

© 2021

**Александр Бузгалин**

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии  
Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова  
(г. Москва, Россия)  
(e-mail: buzgalin@mail.ru)

**Кайсын Хубиев**

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии  
Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова  
(г. Москва, Россия)  
(e-mail: khubiev48@mail.ru)

**Иван Теняков**

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры политической экономии  
Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова  
(г. Москва, Россия)  
(e-mail: itenyakov@mail.ru)

**Алексей Заздравных**

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономии  
Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова  
(г. Москва, Россия)  
(e-mail: apkreforma@mail.ru)

## **РОСТ И/ИЛИ РАЗВИТИЕ: СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ**

В статье дается системная характеристика основным особенностям постсоветской экономики. В основу выделения содержания, структуры и обусловленных ими особенностей российской экономики положены методология и категориальный аппарат классической политической экономии, классического институционализма, а также других направлений гетеродоксальной экономической теории. Авторы демонстрируют влияние природно-климатических, пространственных, а также исторических характеристик России на формирование этих особенностей.

Выделяются основные этапы эволюции российской экономики и характерные для них черты роста/спада макроэкономических количественных показателей. Значительное внимание уделяется качественным индикаторам, характеризующим социальные результаты и противоречия в развитии основных сфер экономики. На этой основе формулируются выводы, указывающие на причины глубокого спада в 1990-е годы, экстенсивного развития в 2000-е и стагнации в 2010-е годы. Анализ завершает указание на неслучайное наличие двух основных концепций дальнейшего развития России – неолиберальной концепции, и концепции, ориентированной на активизацию общественного регулирования и социальную направленность развития, а не просто на рост экономики.

**Ключевые слова:** российская экономика, рост, социально-ориентированное развитие, политическая экономия.

Социально-экономическая динамика России характеризуется в последнее десятилетие глубоко различными, если не противоречивыми трендами. С одной стороны, в 2011–2012 годах в экономике началась стагнация, длящаяся уже десять лет, – средние темпы роста валового внутреннего продукта (далее – ВВП) составляют около 1%. С другой стороны, российское государство сегодня стало одним из ключевых игроков мирового геополитэкономического пространства. Являясь собственником энергоресурсов мирового значения, а также одним из мировых лидеров в области вооружений, освоения космоса и пр., оно существенно влияет на процессы глобального развития.

Вместе с тем внутри страны сегодня наблюдаются глубокие проблемы, обусловленные отставанием в области высоких технологий (за исключением отдельных сфер, связанных преимущественно с военно-промышленным комплексом), низкими темпами роста в различных отраслях экономики знаний, нарастанием высокого уровня социального неравенства и глубокими межрегиональными социально-экономическими диспропорциями. В то же время, в стране более 20 лет не происходит существенных изменений во внутриполитической расстановке сил, а большинство граждан на выборах стабильно демонстрирует свое доверие представителям действующей экономико-политической власти.

Указанные противоречия требуют своего разрешения, что и станет *предметом* настоящей статьи. В свою очередь, разрешение этих противоречий предполагает обращение к исследованию специфики социально-экономической динамики в России последнего десятилетия и поиск ответов на вопросы о путях перехода страны от стагнации не только к экономическому росту, но и к социально-экономическому развитию.

Следует подчеркнуть особо, что актуальность исследуемой проблемы возрастает на фоне длящейся уже второй год пандемии COVID-19, а также обострения мирового геополитэкономического соперничества.

Разработка проблемы развития национальной экономической системы предполагает использование *современного системного метода*, позволяющего выделить:

- во-первых, системное качество (в данном случае – системное качество российской экономики постсоветского периода);
- во-вторых, ее элементы и структуру;
- в-третьих, основные этапы и специфику ее развития.

Такое исследование предполагает интегрированное использование багажа не только традиционного категориального аппарата макроэкономики, но и современной эволюционной экономической теории, а также классической политической экономии и институционализма XXI века.

Речь пойдет о выделении как основных обобщающих макроэкономических индикаторов (ВВП, уровень инфляции, занятость и пр.), так и качественных

изменений в экономике, происходящих в процессе новейшего исторического развития. Это обстоятельство касается, с одной стороны, меры прогресса различных отраслей, что подразумевает использование в том числе редко применяемых в экономических исследованиях качественных индикаторов и натуральных показателей, характеризующих структуру общественного производства, прежде всего, материального (определяющего в условиях императивов реиндустриализации лицо российской экономической системы). С другой стороны, оно требует внимания к различным социальным аспектам, характеризующим не столько рост, сколько развитие.

Социальные аспекты выступают центральными в исследованиях, лежащих в пространстве политической экономии и институционализма. В свою очередь, авторы, развивающие эти направления, концентрируют свое внимание не только на традиционно используемых параметрах экономического роста, но и на параметрах его качества: в частности, на показателях оценки уровня развития современного высокотехнологичного производства, человеческого потенциала, а также на степени продвижения общества по пути решения экологических проблем.

Кроме того, в процессе выделения системного качества российской экономики использование багажа современной классической политической экономии обусловит обращение к изучению, прежде всего, специфики генезиса и развития системы производственных отношений, а также противоречий их воспроизводства в неразрывной связи с воспроизводством производительных сил. Подобный подход, развиваемый рядом известных современных ученых-экономистов<sup>1</sup>, позволяет отразить специфику динамики российской экономики (качество роста, причины спада), равно как и специфику ее структуры.

Этот подход лежит в русле новейших трендов в экономической теории, которая постепенно поворачивается к исследованию причинно-следственных связей, за которое в 2021 году была присуждена Нобелевская премия. Существование этого разворота позиции Нобелевского комитета обнаруживается в сравнении с предыдущей премией, которая была присуждена за работы по организации аукционов. При этом в решении Нобелевского комитета подчеркивается особо, что исследования в области причинно-следственных связей революционизируют экономическую науку.

**Обзор исследований по проблеме.** Утрата российской экономикой в 2010-х гг. динамики нулевых годов текущего века побудила исследователей поднять вопрос об исчерпанности сложившейся модели роста и поиске новой модели развития.

Несмотря на наличие ряда зарубежных работ, посвященных данной теме, выглядит естественным, что исследование проблем социально-экономического развития России велось и ведется преимущественно силами российских авторов. Характеризуя работы последних, следует выделить два

---

<sup>1</sup> См., например, Воейков, 2018; Кульков, 2019; Пороховский, 2016; Рязанов, 2019.

основных течения (между которыми нет жесткой границы): авторов, работающих преимущественно в методологии «мейнстрима», и тех авторов, которым ближе «гетеродоксальное» направление.

В российском «мэйнстриме» замедлению роста российской экономики в 2010-е гг. и поиску новой модели роста посвящены статьи Н. Акиндиновой, Е. Гурвича, Б. Замараева, А. Кудрина, В. Мау, Е. Ясина и др. В них смена модели роста увязывается, прежде всего, с необходимостью институциональных преобразований в экономике, снижением роли государства, большей либерализацией хозяйственной жизни и пр. В частности, в [22. С. 21] отмечается, что «государство должно привлекать интеллектуальный капитал, создавать пространство опережающего технологического регулирования для выхода частного сектора на передовые рубежи в мире (установление «мирового рекорда»)». В более поздних статьях<sup>2</sup> наблюдается определенный отход от классических либеральных рекомендаций для политики стимулирования экономического развития: отмечается, что, в отличие от развитых стран, практически исчерпавших резервы денежного стимулирования роста, Россия и другие развивающиеся страны «могут полагаться на традиционные методы денежно-кредитного регулирования, сопровождая их макропруденциальными мерами, способными повысить устойчивость финансового сектора к внешним шокам, а также структурными мерами, позволяющими укрепить курс национальной валюты» [16. С. 29].

Альтернативный взгляд на причины замедления экономического роста в России и контуры новой модели роста представлен в работах российских ученых, придерживающихся в целом «дирижистского» подхода, предполагающего усиление инвестиционно-инновационной направленности российской экономики, повышение роли государства, в том числе для реализации политики экономического роста и развития.

Данный подход представлен в работах А. Аганбегяна, И. Буданова, С. Губанова, В. Ивантера, О. Сухарева, А. Широва и других экономистов. В частности, в работе [5] приведена система мер по стимулированию экономического развития российской экономики, содержащая как мероприятия со стороны совокупного спроса, так и меры поддержки совокупного предложения. Стимулировать совокупный спрос предлагается посредством механизма государственных закупок, а также государственного субсидирования кредитов населению на ипотеку и покупку товаров длительного пользования. А стимулирование совокупного предложения, по мнению авторов, должно включать реализацию структурных преобразований в экономике, направленных на построение социально-ориентированной инновационной экономики и ускоренное развитие новых высокотехнологичных производств, образования, науки и здравоохранения.

---

<sup>2</sup> См., например, Горюнов и др. 2021.

Указанные меры требуют проработки системы стратегического планирования и промышленной политики. И это обстоятельство подчеркивается в работах С. Бодрунова, С. Глазьева, А. Бузгалина, А. Колганова и др.<sup>3</sup>. Среди потенциальных источников финансирования мер антикризисной политики авторами указаны накопленные крупные государственные резервы, свободная ликвидность банковского сектора, а также возможности увеличения государственного долга (до 20–30% ВВП) на фоне проведения стимулирующей денежно-кредитной политики.

Наконец, следует выделить работу группы российских исследователей, посвященную расчетам источников экономического роста на основе данных Russia KLEMS<sup>4</sup>. По мнению авторов указанного исследования, сегодня прослеживается определенная аналогия с восстановлением после кризиса 2008 г. Соответственно, меры по стимулированию роста должны быть связаны с повышением эффективности расширенного добывающего комплекса, стимулированием внедрения и адаптации передовых технологий и др.

Что касается зарубежных авторов, то главным образом вопросы экономической динамики РФ рассматриваются как один из аспектов более широких исследований, посвященных проблемам трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы. В данных работах исследуются как достижения, так и недостатки реформ, в том числе с акцентом на проводимую в этих странах макроэкономическую политику<sup>5</sup>.

В то же время в ряде работ выделяются отдельные аспекты экономической динамики непосредственно и в России. Отмечается, что России свойственны экстенсивная модель экономического развития [50], а также низкий уровень интеграции в международную экономику [52]. При этом [54] причисляют Россию к «мощной державе в группе развивающихся стран». Некоторые авторы<sup>6</sup> подчеркивают, что для экономики РФ характерна позитивная ситуация в области государственного долга, а наличие крупных резервов, накопленных в тучные годы, позволяет увеличивать его без особого риска для финансовой системы. Отмечается, что некоторые элементы российской политики выглядят явно кейнсианскими, что согласуется с ростом государственных расходов,

Отдельными исследователями проведен анализ важнейших макроэкономических показателей России, включая уровень доходов населения, величину и динамику ВВП [49; 52; 53; 54; 57], структуру промышленного производства и производительности [51], роль изменений цен на нефть, производительности труда в разных секторах, занятости, структуры рынков [42; 57], динамику российского экспорта, уровня государственных расходов и кредитования населения и хозяйствующих субъектов [52], дан прогноз долгосрочных

<sup>3</sup> См., например, Бузгалин, Колганов, 2016.

<sup>4</sup> См. Постшоковый рост российской экономики..., 2020.

<sup>5</sup> См., например, Iwasaki, 2020; Holzmann et al., 2020.

<sup>6</sup> См., например, Myant, Drahokoupil, 2013.

перспектив экономического роста России, основных факторов, влияющих на показатели экономического роста в России [51; 44].

Многие авторы ссылаются на значительную зависимость экономического роста от природных ресурсов, подчеркивая, что Россия является ярким примером ресурсо-ориентированного типа развития [42; 44; 50; 52; 57]. Также констатируется значительное устаревание производственных мощностей, низкий уровень автоматизации, развития современных технологий и пр. На неэффективные сферы российской экономики приходится (в зависимости от сектора) от 30 до 80% разрыва в производительности с США.

В результате этих исследований зарубежные авторы делают достаточно обоснованный вывод, что России требуется переход к новой парадигме роста экономики, основанной на повышении производительности, планировании и технологических инновациях [43].

Следует также выделить работу [51], авторы которой предлагают не слишком оригинальную, но адекватную российским реалиям классификацию периодов экономического роста, выделяя восстановительный период 1990-х, период высоких темпов роста за счет расширения экспорта энергоресурсов (2004–2008 годы) и период поиска новой модели экономического развития (с 2009 г.).

Особого внимания заслуживает переведенная на русский язык и получившая большой резонанс книга известного американского исследователя российской экономики Дэвида Котца и журналиста Фреда Вира<sup>7</sup>, в которой дается анализ противоречий СССР, приведших к его уходу с исторической арены, а также раскрывается специфика экономической системы, возникшей вследствие попыток проведения неолиберальных реформ. По мнению авторов, в данной системе господствуют крупный сырьевой капитал и капиталы ВПК, тесно связанные с государственной бюрократией, вследствие чего для экономики России характерны экстенсивный тип воспроизводства, высокий уровень социального неравенства и низкие социальные достижения.

**Системное качество российской экономики как главный детерминант ее динамики и структуры.** На наш взгляд, системное качество российской экономики определяется:

- факторами, которые трудно назвать собственно экономическими: пространственно-географическими особенностями страны, спецификой исторической динамики российского социума и пр.;
- наследием СССР;
- спецификой осуществления трансформации в 1990-х годах;
- геополитэкономическими условиями (факторами внешней среды).

Раскроем указанные обстоятельства подробнее.

---

<sup>7</sup> См. Котц, Вир, 2013.

Специфика *пространственных и природно-климатических параметров* российской экономики хорошо знакома всем, кто ее изучает, однако этот аспект крайне редко исследуется учеными, анализирующими макроэкономическую динамику, специально. Между тем это один из решающих факторов, определяющих специфику объективных ограничений и целей макроэкономического развития страны. Так, исследователю необходимо учитывать не только протяженность территории РФ (свыше 10 000 км с запада на восток), но и наличие огромных труднодоступных пространств с низкой плотностью населения. В свою очередь, последние имеют решающее значение для целостного развития российского социума: так, к Северным районам России относятся 24 субъекта, занимающие до 70% общей территории страны, в них проживает около 17% населения. Такая специфика обуславливает объективную необходимость как учета проблем целостности пространственного развития при выработке целей экономического развития, так и использования в планировании и в экономической политике качественных индикаторов, отражающих степень достижения этих целей.

Названные особенности могут быть уточнены, если мы используем традиционно применяемый экономической теорией в данном случае ресурсный подход.

Естественные ресурсы: валовая ценность разведанных и оценённых на территории России запасов полезных ископаемых в недрах составляет примерно 30 трлн долл., что составляет 130 годовых бюджетов России. Прогнозные запасы золота составляют 150 тыс. тонн. В стране сосредоточено свыше 10% мировых запасов нефти, свыше 30% природного газа, свыше 5% запасов угля, около 25% железных руд, значительная часть запасов цветных, редких и драгоценных металлов и других полезных ископаемых.

Объем природного капитала на душу населения в России (около 1,75 млн руб.), что в два раза выше среднего показателя стран ОЭСР, но ниже среднего показателя других стран – экспортеров сырья<sup>8</sup>. При этом в структуре природного капитала России доминируют нефть (43%) и газ (23%). Так, по оценкам Всемирного банка на долю нефти приходится богатство в 764 тыс. руб. на душу населения. В целом же невозобновляемые ресурсы, включая нефть, природный газ, уголь и минерально-сырьевые запасы, составляют до 75% общего объема природного капитала России. Вместе с тем в исследованиях и оценках природных ресурсов даже специализированных организаций традиционно преобладает количественный подход к их оценке и использованию.

В свою очередь, широко известные в мире колоссальные запасы полезных ископаемых могут выступить как фундаментом ускоренной модернизации (по примеру Германии или США в конце XIX – начале XX веков), так и причиной так называемого «ресурсного проклятия» (или «голландской болезни»). Долгие годы эта проблема находится в центре приоритетного внимания как

<sup>8</sup> Источник: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec>

российских, так и зарубежных исследователей, в силу чего мы не будем останавливаться на ее подробном описании, ограничившись авторским вариантом дополнения и развития рекомендаций по преодолению «голландской болезни» России ниже по тексту.

В последнее время к ресурсным преимуществам страны относят и ее географическое положение, представляющее в долгосрочном периоде особую ценность. Разнообразие климатических зон позволяет гибко маневрировать средой человеческого обитания в периоды возможных климатических изменений. Наконец, к ресурсным преимуществам следует отнести и огромные запасы пресной воды, неуклонно сокращающиеся в мире в условиях урбанизации и развития промышленного производства.

Человеческий ресурс: индекс человеческого развития для России в 2020 году составил 0,824. Страна занимает 52 место среди 189 государств мира<sup>9</sup> и остается в группе стран с очень высоким уровнем человеческого развития.

Капитальный ресурс: произведенный капитал из расчета на душу населения оценивается примерно в 3 млн руб. На здания и сооружения в структуре произведенного капитала приходится около 80%, около 12% – на станки и оборудование, около 4% – на транспорт<sup>10</sup>. Основные фонды изношены на 37,8% и это очень низкий показатель.

Структура совокупного богатства России по данным за 2017 год в оценке Всемирного банка выглядит так: человеческий капитал – 46%; произведенный капитал – 33%; природный капитал – 20% (из них 15% – невозобновляемые источники, 5% – возобновляемые); чистые иностранные активы – 1%.

Как видно, почти половину совокупного богатства России составляет человеческий капитал, и это относительно высокий показатель для сырьевой державы, однако ниже среднего значения (70%) для развитых стран.

Сказанное позволяет сделать весьма очевидный, но важный для дальнейшего исследования вывод: Россия благополучна и конкурентоспособна по двум ресурсным показателям – сырьевому и человеческому; неблагополучна и неконкурентоспособна также по двум – капитальному и институциональному (о последнем будет сказано ниже).

Анализ структуры факторов экономического развития России подводит к стратегическому выводу о том, что, опираясь на человеческий потенциал и развивая его, следует превращать ресурсные преимущества в преимущества конкурентные. Доходы, поступающие от извлечения и продажи естественных ресурсов, следует активно использовать для приобретения (и, безусловно, собственного производства) новейших технологий для новой научно-технологической революции, вместо того, чтобы аккумулировать их в пассивных накопительных фондах, размещенных в иностранных активах.

<sup>9</sup> Источник: URL: <http://hdr.undp.org/en/data>

<sup>10</sup> URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec>

*Историческое развитие России*, в отличие от стран Западной Европы и США, характеризовалось сохранением (вплоть до начала XX века) господствовавшей на протяжении свыше пяти веков системы отношений позднего феодализма с определяющей ролью сословного монархического государства, доминированием натурального хозяйства и внеэкономического принуждения (крепостное право в России было отменено лишь в 1861 году). Соответственно, относительно кратковременным был период активного развития рыночно-капиталистической системы: эта система отношений и институтов начала играть ключевую роль в экономическом развитии лишь в XX веке, однако уже в 1917 году была разрушена социалистической революцией.

Указанные исторические особенности обуславливают слабую укорененность в России рыночно-капиталистических отношений и, как следствие, неразвитость и неустойчивость соответствующих институтов (включая социокультурные традиции, ценности, особенности поведения и т.п.). При этом, наоборот, наличествует мощная инерция<sup>11</sup> феодально-государственной централизации, активно использующей нерыночные методы организации хозяйства, именуемые в России XXI века «ручным управлением».

Что касается сохранения в современной России ряда существенно трансформированных, но генетически связанных с экономикой СССР элементов, то они не исчерпываются пережитками централизма и бюрократизации. От этой экономической системы РФ унаследовала сильно разрушенный «реформами» 1990-х, но отчасти сохранившийся потенциал высокотехнологичного развития, представленный высоким (по сравнению со странами полупериферии<sup>12</sup> с аналогичным России уровнем подушевого ВВП) уровнем развития фундаментальной науки и современных технологий в отдельных отраслях (прежде всего в ВПК, космической отрасли, атомной энергетике), образования, культуры.

Не менее важно и то, что в России устойчиво воспроизводится ориентация на значимый общественный сектор, в котором, по мнению большинства российских граждан, должны находиться преимущественно такие сферы, как энергетика, инфраструктура, добыча и переработка полезных ископаемых, ВПК, образование, наука и здравоохранение.

О разрушительности неолиберальных реформ 1990-х годов в РФ написано немало качественных работ<sup>13</sup>, в связи с чем мы ограничимся лишь отдельными цифрами. Так кумулятивный спад ВВП за первые 4 года реформ составил 36% на фоне сокращения реальных доходов на 30%. Производство в таких отраслях, как

<sup>11</sup> В марксистской политической экономии этот феномен рассматривался в рамках теории переходных экономических отношений, характерных для стадий заката и генезиса экономических систем. Подробнее см. Цаголов, 1973; Бузгалин, Колганов, 2019. В институциональной теории этот феномен получил название «эффекта колеи» (англ. path-dependence problem). Подробнее см. Аузан, 2017; David, 1985, 1994; Puffert, 2003.

<sup>12</sup> Данная категория раскрывается в теории мир-системного анализа Э. Валлерстайна. Подробнее см. Wallerstein, 1974–1989

<sup>13</sup> См., например, Котц, Вир, 2013; Глазьев, 1998.

станкостроение, авиационная промышленность и пр. снизилось на 60–80%, а загрузка производственных мощностей на 50%. При этом уровень годовой инфляции в 1992 г. составил 2500%, в 1993 г. – 840%, и лишь к 1996 г. его удалось снизить до 22%<sup>14</sup>.

Последующий восстановительный рост 2000-х, одной из главных основ которого стали высокие (до 150 долларов США за баррель) цены на нефть и другие сырьевые товары, не смог решить самых острых структурных проблем, законсервировав сырьевую ориентацию российской экономики. Последующий кризис 2008–2009 годов и стагнация 2010-х со средними темпами роста менее 2% усугубили нарастание отставания российской экономики от лидеров мирового технологического и социального прогресса.

В современных условиях эти факторы дополняются неблагоприятными для России *геополитэкономическими*<sup>15</sup> *условиями воспроизводства*. Превращение страны во «вновь придуманного врага» (*англ. – new invented enemy*) и масштабные международные санкции, нарастающие с 2014 года, с одной стороны, генерируют вызовы безопасности страны, обуславливая превращение ВПК в один из приоритетов экономического развития, а также создают серьезные ограничения для импорта высоких технологий и других жизненно важных товаров и услуг. С другой стороны, эти обстоятельства становятся мощным стимулом для активизации промышленной политики, ориентированной на развитие внутреннего высокотехнологичного производства, науки, образования и пр.

Таким образом, в 2020-е годы в России, в результате влияния всех перечисленных факторов, сложилась экономическая система, обладающая, с одной стороны, рядом типичных черт полупериферии мирового позднего капитализма, а с другой – своей уникальной спецификой. *Системообразующими экономическими отношениями* в современной России выступают частично контролируемый и регулируемый государством и крупными корпорациями рынок, а также частная собственность на капитал и наемный труд.

Вместе с тем и сам рынок, и собственность в России также имеют свои особенности.

Первый высоко монополизирован и контролируется (преимущественно неформально) крупными корпорациями [29].

Специфика отношений собственности состоит не столько в часто приписываемой России сверхвысокой доле государственной собственности (последнее является мифом, что было показано в работах одного из авторов текста<sup>16</sup>), сколько в том, что права собственности недостаточно специфицированы, а формы собственности

<sup>14</sup> На основе динамики индекса потребительских цен на товары и услуги: Росстат: официальный сайт: URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/i\\_ipc\\_1991-2021.xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/i_ipc_1991-2021.xlsx)

<sup>15</sup> Понятие «геополитэкономия» подробно раскрывается в Desai, R. 2013.

<sup>16</sup> Хубиев К.А. Актуальная роль государства в экономическом развитии // в журнале Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2016. Том 8. № 4. С. 7–23.

часто неадекватны их экономическому содержанию. Так, многие государственные корпорации ориентируются в своей экономической деятельности не столько на решение общегосударственных задач, сколько на укрепление собственной власти и увеличение богатства управляющих ими инсайдеров-бюрократов (что, впрочем, характерно и для ряда частных корпораций, реализующих не столько интересы фирмы в целом, сколько приоритеты инсайдеров)<sup>17</sup>.

И в то же время ряд частных предприятий, особенно малого и среднего бизнеса, находится под жестким неформальным контролем государственной бюрократии.

Свои особенности также имеет и само государственное регулирование. В частности, активное использование бюрократией всех уровней так называемых «методов ручного управления», имеющих феодальный генотип и основывающихся на инструментах неформального давления на акторов экономики. Таким образом, российское государство играет не только свойственную любой другой современной рыночной экономике роль (поддержание институтов, макроэкономическое регулирование и социальная политика – эти функции реализуются в масштабах меньших, нежели в ЕС или Китае, и обременены большими противоречиями), но и выполняет специфические функции, обусловленные, в частности, упомянутым выше эффектом «колеи» – «ручное управление», неформальный контроль, личная уния высшей бюрократии и крупного капитала и др. Как следствие, в российской экономике велика как формальная, так и неформальная роль государственной бюрократии.

*Институциональная система* в России также имеет свои особенности, обусловленные вышеперечисленными факторами. К важнейшим из них следует отнести относительно слабую спецификацию и защищенность прав собственности. «Генетической основой» этого феномена выступает специфика российской приватизации, результатом которой стало, с одной стороны, доминирование института наделенной собственности, который, как показал в своих работах Р. Галер<sup>18</sup>, неэффективен с точки зрения долгосрочного макроэкономического развития, а с другой – определяющая роль бюрократии, но не права в спецификации прав собственности.

Остаются малоэффективными и созданные в последние годы в России институты развития. Они многочисленны, но не объединены в единую систему, и обладают низким потенциалом реализации своих функций (к этой проблеме мы вернемся в заключительной части статьи).

Результатом перечисленных выше обстоятельств для экономики России стала так называемая «институциональная ловушка»<sup>19</sup>, в которой страна находится уже не первое десятилетие: низкое качество институтов тормозит

<sup>17</sup> См., например, Дзарасов, 2010.

<sup>18</sup> См. Белянин, 2018.

<sup>19</sup> См. Полтерович, 1999.

экономический рост и препятствует переходу на траекторию развития, а стагнация, в свою очередь, воспроизводит низкое качество институтов. Эту ситуацию можно образно охарактеризовать как «стремление лебедя, рака и щуки, запряженных в один воз, сдвинуть его с места – лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду». В качестве «лебедя» выступают институты развития, нацеленные на прорывное технологическое и социально-экономическое развитие. Но их инициативы ограничиваются монетарной политикой, которая имеет противоположную направленность. Во главу угла Центральным банком России поставлено таргетирование инфляции, что относится к классическому инструменту сдерживающей политики – ей соответствует образ «рака». Крупному бизнесу соответствует образ «щуки» – бизнес «улавливает» потоки доходов и переправляет их за границу. Работает механизм «утечек» из национальной экономики, вместо механизма «инъекций» в нее.

Если в содержательном смысле объединить реальность, скрывающуюся за этими образами, то напрашивается вывод, что экономическая система России в своей основе – на уровне отношений собственности – содержит глубинные противоречия, являющиеся не источником ее развития, а причиной стагнации. И данные противоречия характеризуют сегодня экономическую динамику.

С одной стороны, поскольку основная экономико-политическая власть в РФ принадлежит крупному корпоративному капиталу и высшей государственной бюрократии, ориентированных, прежде всего, на получение рентных доходов от сырьевого сектора, укрепление ВПК и финансового посредничества, а также развитие паразитирующих на них посредников, то в экономике господствует экстенсивный тип воспроизводства с низкими темпами роста и качественными результатами. Этому способствует и широкое распространение таких методов регулирования как «корпоративное манипулирование» и «ручное управление».

С другой стороны, в тех областях, где указанные методы регулирования используются для реализации общенациональных приоритетов (а в реализации ряда из них, в частности – безопасности, заинтересованы и элиты), достигаются значимые результаты. И это касается не только ВПК и ряда технологически связанных с ним отраслей, но и ряда других сфер, в частности, такой важной для обеспечения продовольственной безопасности отрасли, как сельское хозяйство и обслуживающих его отраслей АПК.

Следствием этого становятся противоречия как в объективных трендах макроэкономической динамики (и это касается и качественных, и количественных аспектов), так и в теоретических оценках этих трендов в интеллектуальном сообществе.

К исследованию этих трендов мы и перейдем далее.

**Динамика российской экономической системы: основные количественные и качественные характеристики.** В экономической динамике постсоветской

России прослеживаются три крупных этапа: *этап трансформационного спада (1991–1998 гг.)*, *этап экономического роста (1999–2008 гг.)*, *этап «новой нормальности» (с 2009 г. – по настоящее время)*.

Первый этап был связан с системной трансформацией российской экономики, осуществлявшейся с большими социально-экономическими издержками, что и вылилось, как мы показали выше, в продолжительный спад основных экономических показателей (ВВП, доходов, инвестиций, реального производства и т.п.).

На втором этапе в российской экономике начался рост, носивший сперва восстановительный характер (исходным толчком для него послужил эффект девальвации рубля в 1998 г. в сочетании с наличием незагруженных производственных мощностей и незадействованной рабочей силой), затем стимулировавшийся бюджетными расходами и общим повышением совокупного спроса на основе роста экспортно-сырьевых доходов (фактор благоприятной конъюнктуры на мировых сырьевых рынках). Мировой экономический кризис 2007–2009 гг. завершил второй этап динамики российской экономики.

Этап «новой нормальности» характеризуется неустойчивостью экономической динамики в России и затуханием долгосрочных темпов экономического роста. После кризисного падения (минус 7,8% ВВП в 2009 г., по данным Росстата) и посткризисного восстановления экономики в 2010–2011 гг. возврата к докризисным высоким темпам роста не произошло – рост носил затухающий характер, а в конце 2014–2016 гг. проявилась локальная рецессия, вызванная сочетанием как внутренних, так и внешних факторов.

Ниже мы представим, прежде всего, параметры роста, поскольку они хотя и недостаточны, но необходимы для оценки стагнации российской экономики последнего десятилетия<sup>20</sup>.

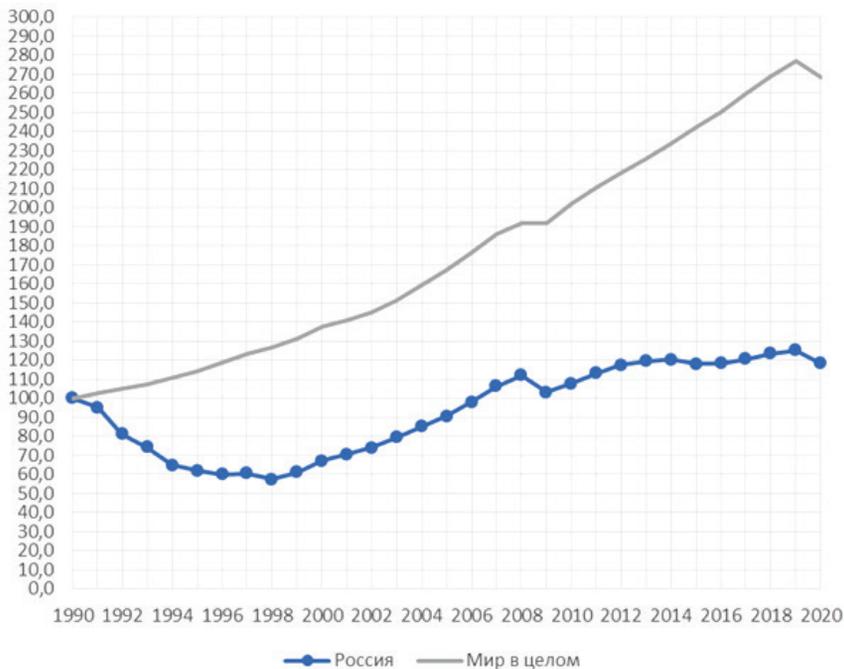
В целом можно сделать вывод об «упущенном десятилетии» экономического роста России: по нашим оценкам средний темп роста реального ВВП за период 2010–2019 гг. составил не более 2% в год, хотя ряд экспертов дает более пессимистические оценки – не более 1%<sup>21</sup>. В период же 2000-х гг. средние темпы роста российской экономики составляли около 7% в год. В результате за десятилетие 2009–2019 гг. по темпам роста экономика России устойчиво отставала от среднемировых показателей (3,76% в год<sup>22</sup>). Графически траектория экономической динамики России (реальный ВВП) в постсоветский период в сравнении с траекторией мировой экономики представлена на Рис. 1. Показатели 1990 г. приняты за 100%.

<sup>20</sup> Следует оговориться, что оценка выхода из рецессии и последующего роста осложнена тем, что Росстат активно пересматривал в это время динамические ряды основных макроэкономических показателей и вносил изменения в методологию статистических расчетов. Это обстоятельство затрудняет корректное сопоставление данных до и после 2016 г.

<sup>21</sup> См., например, Аганбегян, 2019.

<sup>22</sup> Рассчитано по данным МВФ: официальный сайт. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/weoselagr.aspx> (дата обращения: 16.07.2020)

Как следует из графика на рис.1., за 30 лет, прошедших с начала рыночных реформ, реальный ВВП России превысил показатель 1990 г. всего лишь на 20–25%, в то время как значение мирового ВВП в 2019 г. в 2,8 раз превышало аналогичный показатель 1990 г.



**Рис. 1. Сравнительная динамика российской и мировой экономики в 1990 – 2020 гг.**  
Уровень 1990 г. = 100%.

*Источник:* рассчитано по данным МВФ: URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2020/01/weodata/weoselagr.aspx>

Отставание динамики российской экономики от мировой позволяет оценить накопленные потери экономического роста в России как совокупную площадь, ограниченную сверху графиком динамики мировой экономики, а снизу — графиком динамики российской экономики. Более подробно методология расчета накопленных потерь экономического роста представлена в [37].

Здесь же отметим, что, по авторской оценке, накопленные потери реального ВВП России за 1991–2020 гг. составили 25,4 единиц ВВП 1990 г. И хотя данная оценка является сугубо количественной, она позволяет сделать и содержательные выводы — какой объем средств российской экономики мог бы быть потрачен на цели развития (в том числе развитие человеческого потенциала), если бы экономическая динамика в России в течение всего постсоветского периода соответствовала хотя бы среднемировой.

Рассмотрим структурные факторы экономической динамики со стороны совокупного предложения — вклада различных видов экономической деятельности в валовую добавленную стоимость (ВДС), или в ВВП.

Отметим, что в целом в постсоветский период в экономике России более значимую роль стала играть сфера услуг, причем преимущественно «низших» услуг, не требующих высокого уровня и качества человеческого потенциала (торгово-посреднические услуги). По другим видам деятельности, особенно связанным с материальным производством (сельское хозяйство, добывающая и обрабатывающая промышленность, строительство, транспорт и связь), Россия к концу 2010-х гг., в лучшем случае, лишь вышла на уровень 1990 г. в реальном выражении.

Рост потребительского спроса (особенно в 2000-е гг.) не мог в полной мере покрываться за счет внутреннего производства — как следствие, возник ускоренный рост импорта и формирование зависимости российской экономики от мировой по широкой группе товарной номенклатуры (как в сфере инвестиционных, так и потребительских товаров).

Структура накопленного прироста ВДС по видам экономической деятельности представлена в табл. 1<sup>23</sup>, из которой следует, что в целом за период 2003—2019 гг. в структуре прироста ВДС преобладал сектор услуг (преимущественно торгово-посреднических): так, на виды деятельности G, J, K суммарно пришлось около 52% всего накопленного прироста ВДС. На обрабатывающее производство, строительство, транспорт и связь пришлось в сумме 27,5% накопленного прироста ВДС. Еще 10% пришлось на первичный сектор экономики (добыча полезных ископаемых и сельскохозяйственные отрасли). Для наглядности отдельные виды экономической деятельности были сгруппированы в сектора — их вклад в прирост ВДС показан в табл. 2.

Из табл. 2 следует, что роль вторичного сектора в целом несколько снизилась по сравнению с периодом 2003—2008 гг. Однако такое снижение имело место, прежде всего, в первой половине 2010-х гг. Несмотря на противоречивость данных Росстата за 2016—2019 гг. (многократные изменения методики расчета не могли не сказаться на качестве данных), во второй половине 2010-х гг. произошло повышение роли вторичного сектора. При этом в указанный период произошло снижение вклада сектора услуг (в том числе торгово-посреднических) в ВДС. Рост вклада четвертичного сектора в этот период произошел исключительно за счет вида деятельности «Обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование» (L).

---

<sup>23</sup> Отметим, что в 2016—2019 гг. Росстат приводит данные по структуре ВДС по новой классификации видов экономической деятельности, которая отличается от использованной ранее. В табл. 1 виды экономической деятельности приведены по классификации, использовавшейся Росстатом до 2016 г., соответственно, данные за 2016—2019 гг. оценены в соответствии с прежней классификацией. Также отметим, что данные начиная с 2012 г. исчислялись Росстатом в новых ценах (для периода 2011—2016 гг. — в ценах 2011 г., для периода 2016—2019 гг. — в ценах 2016 г.). При расчетах данные были приведены к ценам 2008 г., используя соответствующие ценовые коэффициенты.

Таблица 1

## Структура накопленного прироста ВДС по видам экономической деятельности

Виды экономической деятельности	2003 – 2019	2003 – 2011	2003 – 2008	2012 – 2015	2016 – 2019
Накопленный прирост ВДС, в % к 2002 г.	64,3	50,8	49,6	6,7	6,8
Вклад в накопленный прирост ВДС, в % к итогу					
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство, рыбоводство (А + В)	2,0	1,4	1,1	7,5	1,5
Добыча полезных ископаемых (С)	8,1	7,1	5,1	9,5	14,6
Обрабатывающие производства (D)	13,2	13,4	14,5	5,2	20,1
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (Е)	0,5	0,8	0,9	–2,6	1,2
Строительство (F)	6,1	8,2	9,2	–3,8	0,4
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (G)	21,2	30,1	29,1	–14,3	–9,9
Гостиницы и рестораны (H)	0,9	1,0	1,1	0,8	0,5
Транспорт и связь (I)	8,2	9,3	8,8	1,7	6,9
Финансовая деятельность (J)	13,9	9,9	9,4	33,6	23,7
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (K)	16,9	14,0	13,2	33,5	21,9
Обеспечение военной безопасности, обязательное социальное страхование (L)	2,8	0,9	1,4	10,9	9,5
Образование (M)	–0,4	–0,1	0,3	–3,9	0,8
Здравоохранение и предоставление социальных услуг (N)	0,9	0,4	0,3	5,2	0,0

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата: <http://www.gks.ru>

Таблица 2

## Структура накопленного прироста ВДС по секторам экономики

Виды экономической деятельности	2003 – 2019	2003 – 2011	2003 – 2008	2012 – 2015*	2016 – 2019*
Первичный сектор (А + В + С)	10,1	8,5	6,2	17,0	16,1
Вторичный сектор (D + E + F + I)	28,0	31,7	33,4	0,5	28,6
Третичный сектор (G + H + J + K)	52,9	55,0	52,8	53,6	36,2
Четвертичный сектор (L + M + N)	3,3	1,2	2	12,2	10,3

\* Расчетные данные с учетом корректировки цен.

Источник: рассчитано по данным таблицы 1.

Заметно и усиление роли первичного сектора, прежде всего, добычи полезных ископаемых. Данный вывод прямо соотносится с выводом о значительной роли

внешнего спроса в структуре прироста ВВП в середине 2010-х гг. В структуре экспорта России до двух третей приходится на топливно-энергетическое сырье, т.е. продукцию добывающих отраслей. В структуре импорта сохраняется преобладание товарной группы «машины, оборудование и транспортные средства». Изменения товарной структуры экспорта и импорта в ходе реализации политики импортозамещения пока еще невелики (например, снижение доли импорта продовольствия на 3 процентных пункта и рост доли экспорта сельскохозяйственной продукции на 3 процентных пункта), чтобы можно было судить об успешном импортозамещении.

Раскрытие структурных особенностей экономической динамики в России со стороны совокупного спроса и совокупного предложения следует дополнить более детальной характеристикой динамики выпуска по отдельным отраслям, в ряде случаев – в натуральных показателях.

В табл. 3 представлена динамика промышленного производства в России и его основных отраслей (добыча полезных ископаемых, обрабатывающее производство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды), а в табл. 4 – динамика по основным подотраслям обрабатывающей промышленности (в сопоставимых ценах, в % к 1992 г.). При этом следует отметить, что указанные показатели даются в сопоставлении с 1992 г., когда в российской экономике уже наблюдался спад (так, реальный ВВП в 1992 г. сократился почти на 15% к уровню 1991 г.). Поэтому оценкой выхода на докризисный уровень следует считать достижение не 100% по каждой отрасли (это уровень 1992 г.), а примерно 110–115%.

Как следует из анализа табл. 3, наиболее глубокий спад в 1990-е гг. испытало обрабатывающее производство, а в меньшей степени пострадала отрасль добычи полезных ископаемых. Указанная отрасль дала и наибольший прирост, выйдя к 2016 г. на уровень 130% от уровня 1992 г. Обрабатывающее производство в целом демонстрировало более скромные результаты, выйдя в 2016 г. на показатель 105%, что, с учетом имевшего в 1992 г. спада, оказывается даже ниже показателей конца 1980-х – 1990 г.

При этом обрабатывающее производство в целом представляет собой совокупность различных отраслей промышленности, динамика которых отличалась противоречивостью. Так, с середины 2000-х гг. начало бурно расти производство резиновых и пластмассовых изделий, которое, несмотря на отдельные спады (в кризис 2009 г. и в 2015 г.) в целом продемонстрировало высокие темпы роста, так что в 2016 г. объем производства в указанной отрасли 2,75 раз превысил уровень 1992 г. Ускоренным темпом с середины 2000-х гг. развивалось производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, однако кризис 2009 г. существенно повлиял на дальнейшие темпы развития указанной отрасли, в результате в 2016 г. объем выпуска в ней составил только 150% от уровня 1992 г. (это ниже, чем максимальный результат, достигнутый

в 2007 г. – 185,6%). Химическое производство – еще одна отрасль, устойчиво развивающаяся с 2000-х гг. и успешно преодолевшая кризис 2009 г., в результате объем производства в ней в 2016 г. составил 155% от уровня 1992 г.

При этом одна из важнейших отраслей обрабатывающей промышленности – производство машин и оборудования (отметим, что отдельные виды машин и оборудования – то же электронное оборудование – в российской статистике учитывается как отдельная подотрасль) – показала крайне низкие результаты в период роста 2000-х гг. и последующего периода десятилетней стагнации. В 2016 г. объем производства в указанной отрасли составил только 54% от уровня 1992 г. Еще одна отрасль, так и не восстановившаяся после трансформационного кризиса – это легкая промышленность (текстильное и швейное производство): в 2016 г. выпуск в отрасли составлял всего лишь 32% от уровня 1992 г.

Противоречивое развитие имело место и в сельскохозяйственной отрасли. На Рис. 2 показана динамика валового сбора зерна в России (млн тонн). Для данной отрасли характерна ярко выраженная цикличность, связанная с природными факторами (засухи, неурожаи), поэтому к фактическим данным была добавлена линия тренда. Отметим, кстати, что в 1990-е гг. цикличность усилилась: амплитуда колебаний выросла, что было связано и с системными факторами: трансформацией отношений собственности на селе, изменением институциональной структуры экономики, выстраиванием новых хозяйственных связей между деревней и городом и т.п. В 2000-е гг. шло постепенное восстановление отрасли, ускорившееся после 2014 г. (в этой связи можно отметить положительное влияние санкций – и ответных контрсанкций – на зерновую отрасль).

Однако в российском животноводстве ситуация оказалась гораздо более драматичной. На Рис. 3 представлена динамика поголовья скота в России по категориям (крупный рогатый скот, свиньи, овцы и козы). По всем трем группам наблюдалось резкое падение в 1990-е гг. Так, крупный рогатый скот сократился с 60,5 млн голов в 1986 г. до 28,5 млн голов в 1998 г. и продолжал сокращаться и далее, до 18,2 млн голов в 2018 г. Поголовье свиней снизилось с 40 млн голов в 1989 г. до 13,7 млн голов в 2004 г., после чего начался медленный рост, и в 2018 г. поголовье свиней составило 23,7 млн голов. Поголовье овец и коз снизилось с 66,3 млн голов в 1983 г. до 14,8 млн голов в 1999 г., затем также начался медленный рост, и в 2018 г. поголовье овец и коз составило 23,1 млн голов. Однако, как видно из сравнения данных показателей, некоторый рост по свиньям, овцам и козам в 2000-е гг. не смог компенсировать спада 1990-х гг.

Таблица 3

Динамика промышленного производства по отраслям в России, в сопоставимых ценах, в % к соответствующему уровню 1992 г.

	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Промышленное производство, в т.ч.	86,3	67,7	64,5	59,6	60,2	57,3	62,5	67,9	69,9	72,0	78,4	84,7
добыча полезных ископаемых	89,6	82,4	80,2	77,8	78,0	76,2	79,2	84,3	89,3	95,4	103,7	110,8
обрабатывающие производства	84,6	61,6	58,0	52,0	53,1	49,8	56,2	62,3	63,5	64,2	70,8	78,3
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	95,3	86,9	84,1	81,9	80,4	78,5	77,6	80,7	81,8	85,8	88,6	89,6
	<b>2005</b>	<b>2006</b>	<b>2007</b>	<b>2008</b>	<b>2009</b>	<b>2010</b>	<b>2011</b>	<b>2012</b>	<b>2013</b>	<b>2014</b>	<b>2015</b>	<b>2016</b>
Промышленное производство, в т.ч.	89,0	94,6	101,1	101,7	90,8	97,4	102,3	105,8	106,2	108,0	104,3	105,5
добыча полезных ископаемых	112,3	115,5	119,3	119,7	116,4	120,8	123,0	124,2	125,6	127,3	127,7	130,9
обрабатывающие производства	84,2	91,3	100,9	101,4	86,0	95,1	102,7	108,0	108,5	110,8	104,8	104,9
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	90,4	93,4	92,9	93,4	90,9	92,9	93,1	94,3	92,0	91,9	90,4	91,7

Источник: Росстат, расчёты авторов. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 4

Динамика производства по отраслям обрабатывающей промышленности в сопоставимых ценах,  
(в % к соответствующим уровням 1992 г.)

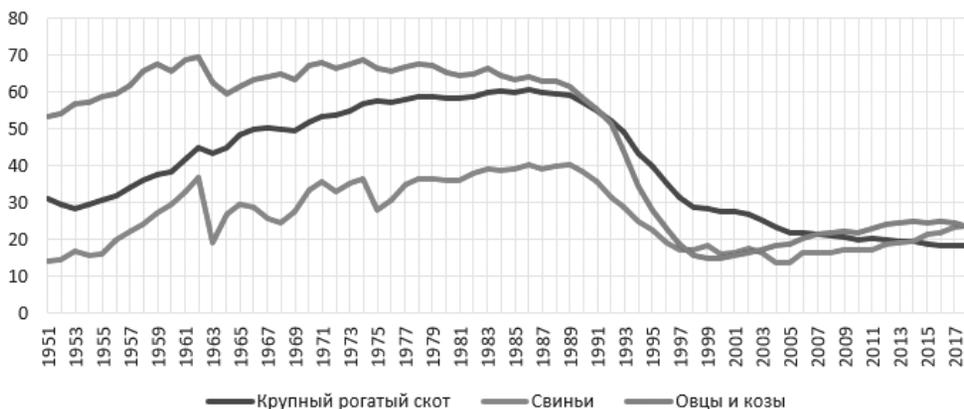
	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Производство пищевых продуктов, напитков и табака	88,5	70,9	62,7	58,4	58,1	57,6	64,8	68,3	73,7	79,1	84,5	88,2
Текстильное и швейное производство	78,9	43,4	30,6	24,0	24,5	22,6	26,1	32,6	35,1	34,3	34,7	33,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева	83,6	56,1	51,7	41,4	39,1	37,5	41,7	47,5	46,3	48,3	53,0	57,6
Производство кокса и нефтепродуктов	86,5	74,9	75,2	74,2	73,5	67,5	71,0	72,7	74,8	78,2	79,9	81,9
Химическое производство	80,7	64,0	69,2	62,0	64,1	60,0	76,5	88,2	88,4	88,6	93,4	99,6
Производство резиновых и пластмассовых изделий	80,1	51,1	48,4	43,5	44,9	42,8	52,4	66,1	67,1	67,3	70,9	80,5
Металлургическое производство	82,7	68,5	70,0	66,1	68,8	64,8	70,4	81,1	84,9	89,2	95,6	99,3
Производство машин и оборудования	82,6	51,7	45,1	36,5	36,6	32,0	36,2	38,3	40,7	37,1	44,2	53,4
Производство электронного и оптического оборудования	87,7	52,8	46,7	42,9	42,9	43,0	45,3	56,7	61,4	56,7	81,2	109,2
Производство транспортных средств и оборудования	88,4	59,0	52,8	50,1	55,9	49,4	56,2	62,3	45,8	45,4	51,7	57,7
<b>2005</b>	<b>2006</b>	<b>2007</b>	<b>2008</b>	<b>2009</b>	<b>2010</b>	<b>2011</b>	<b>2012</b>	<b>2013</b>	<b>2014</b>	<b>2015</b>	<b>2016</b>	<b>2016</b>
Производство пищевых продуктов, напитков и табака	94,1	100,9	108,3	110,3	110,7	114,2	118,7	123,5	124,3	127,4	129,9	133,1
Текстильное и швейное производство	34,5	38,6	38,4	36,3	30,4	33,1	33,4	33,6	35,1	34,2	30,2	31,8
Обработка древесины и производство изделий из дерева	61,7	63,9	68,9	68,9	53,0	60,1	66,2	63,7	68,8	65,1	62,9	64,7
Производство кокса и нефтепродуктов	85,5	91,1	93,7	96,3	95,7	101,4	105,3	108,6	111,1	117,4	117,7	114,9
Химическое производство	103,6	108,5	115,7	110,3	104,4	115,5	126,4	131,6	138,7	138,9	147,6	155,4
Производство резиновых и пластмассовых изделий	93,7	113,4	142,3	174,8	152,2	189,4	211,0	238,0	252,0	270,9	260,9	275,0
Металлургическое производство	106,3	116,6	121,8	119,2	99,6	112,0	119,8	125,6	125,6	126,3	118,1	115,4
Производство машин и оборудования	53,2	59,5	75,3	75,0	50,1	57,7	64,1	65,8	63,6	58,6	52,1	54,1
Производство электронного и оптического оборудования	145,5	167,3	185,6	171,8	117,5	139,7	156,4	166,4	164,7	163,9	150,9	149,4
Производство транспортных средств и оборудования	61,7	64,7	69,7	70,0	47,9	61,0	71,5	78,8	80,5	87,4	80,0	77,6

Источник: Росстат, расчёты авторов. URL: <http://www.gks.ru>



**Рис. 2. Валовой сбор зерна в России (млн тонн)**

*Источник:* рассчитано авторами по: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России // М.: Росстат. 2015. С. 80; Сельское хозяйство в России / Стат. сб. // М.: Росстат. 2019. С. 47.



**Рис. 3. Динамика поголовья скота в России (млн голов)**

*Источник:* рассчитано авторами по: Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России // М.: Росстат. 2015. С. 91–92; Сельское хозяйство в России / Стат. сб. // М.: Росстат. 2019. С. 57.

Противоречивая динамика в сельскохозяйственных отраслях не могла не отразиться и на показателях потребления основных продуктов питания населением. По сравнению с 1995 г. (более ранние данные не обладают сопоставимостью) в 2014 г. потребление на душу населения овощей выросло на 46%, мяса – на 35%, яиц – на 26%, сахара – на 25%, а потребление молока, картофеля и хлеба сократилось на 4%, 10% и 2% соответственно. Наиболее существенный рост по потреблению был достигнут за счет рыбы (на 143%), растительного масла (на 86%), а также фруктов и ягод (на 120%). Указанные показатели характеризуют как изменения в структуре потребления (рост доли

рыбы, овощей и фруктов), так и возможности, открывшиеся перед российской экономикой в ходе встраивания в мировой рынок (импорт продовольствия, в частности, фруктов). При этом ограниченные возможности российского животноводства не позволяют в ближайшей перспективе резко повысить потребление мяса без учета импорта.

Остановимся также на характеристике качественных результатов экономического роста в России с позиции *социального подхода*. Если структурный подход определяет качество роста преимущественно со стороны производства и места страны в международном разделении труда, то социальный подход делает акцент на гуманистической составляющей экономического роста: справедливом распределении доходов, продолжительности и качестве жизни, нерыночных благах и т.п.

Одним из показателей, учитывающих социальную составляющую экономического роста (в плане образования и продолжительность жизни), является Индекс человеческого развития (HDI). Значения HDI для России и ряда стран, с которыми проводилось сравнение выше, представлено в таблице (см. табл. 5).

Таблица 5

## Индекс человеческого развития (HDI) по группам стран

Страны	1990	1992	1998	2008	2014	2019
<i>Страны постсоветского пространства + Китай</i>						
Россия	0,735	0,720	0,705	0,775	0,807	0,824
Белоруссия	н/д	н/д	0,674	0,777	0,814	0,823
Казахстан	0,690	0,682	0,672	0,758	0,798	0,825
Украина	0,725	0,713	0,688	0,755	0,771	0,779
Китай	0,499	0,517	0,571	0,678	0,731	0,761
<i>Развитые страны</i>						
США	0,865	0,872	0,889	0,911	0,920	0,926
Германия	0,808	0,821	0,860	0,924	0,937	0,947
Швеция	0,821	0,826	0,894	0,907	0,935	0,945
Япония	0,818	0,826	0,849	0,883	0,906	0,919

*Источник:* Human Development Reports (URL: <http://hdr.undp.org/en/content/download-data> (Дата обращения: 24.06.2021)).

Сравнение приростов значения HDI для России с динамикой ВВП, в том числе подушевой, показывает, что развитие российской экономики, измеряемое по HDI, шло медленнее, чем экономический рост, измеряемый ВВП на душу населения. Так, значение HDI России в 2019 г. по сравнению с 1990 г. увеличилось на 12%, в то время как подушевой ВВП вырос в реальном выражении на 27%. При этом динамика ВВП на душу населения также учтена в HDI, так что частично прирост значений данного индекса также относится на счет увеличения подушевого ВВП.



**Рис. 4.** Доля населения в России с денежными доходами ниже прожиточного минимума

*Источник:* составлено авторами на основе данных Росстата (URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BBZLMcQ8/urov\\_51g.doc](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BBZLMcQ8/urov_51g.doc) (Дата обращения: 22.05.2021)).

Традиционный HDI не учитывает ряд других не доходных показателей качества экономического роста и развития, однако попытки расширить количество индикаторов, учитываемых в HDI, предпринимаются. В частности, HDI рассчитывается с учетом неравенства – как по доходам, так и по образованию и продолжительности жизни (IHDI), – значение которого для России в 2019 г. составило 0,740, что на 10 пунктов ниже значения традиционного HDI. К сожалению, из-за отсутствия данных невозможно провести ретроспективный анализ по IHDI для прошлых лет, чтобы оценить динамику качественного роста с учетом изменений в неравенстве (заметим, однако, что по таким слагаемым как продолжительность жизни и качество образования СССР входил в число наиболее развитых стран мира, а уровень неравенства был одним из самых низких). Поэтому рассмотрим показатели неравенства (прежде всего, по доходам) как отдельные индикаторы социального качества роста.

На Рис. 4 представлена динамика доли российского населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. Анализ данных на рисунке позволяет сделать вывод, что в основном снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума произошло в период с 2000–2007 гг., когда указанный показатель сократился с 29% до 13,3%. В последующий период происходили колебания этого показателя: минимальное значение пришлось на 2012 г. (10,7%), а к концу периода оно составило 12,1% (2020 г.). Отметим

также, что на протяжении рассматриваемого периода менялась как величина прожиточного минимума, так и методология его расчета, поэтому прямые сопоставления только количественных показателей не совсем корректны. В целом на этапе стагнации снижение бедности в России, наблюдавшееся на этапе восстановительного роста, практически остановилось.

Оценка неравенства доходов на основе коэффициента Джини также является неполной. В 1992 г., по данным Росстата, индекс Джини составлял 0,289, а в 2007 г. он увеличился до 0,422. Это максимальное значение за весь период наблюдений, представленный в данных Росстата. Восстановительный рост в России в 2000-е гг., таким образом, сопровождался усилением неравенства в распределении доходов. В период стагнации 2010-х гг. неравенство распределения доходов, оцениваемое по индексу Джини, менялось неустойчиво с некоторой тенденцией к снижению (так, по данным 2019 г. значение индекса Джини составило 0,411). Отметим также, что доля денежного дохода, приходящаяся на 1% лиц с наивысшими доходами, в России остается высокой: 20,2% за 2010–2019 гг.<sup>24</sup> Россия по данному показателю находится практически на уровне США (20,5%), в то время как для европейских стран и Японии значение данного показателя ниже: Германия – 12,5%, Швеция – 9%, Япония – 10,4%. В Китае на долю 1% лиц с наивысшими доходами приходится 13,9% денежных доходов<sup>25</sup>.

Высокое неравенство в распределении доходов искажает результаты экономического роста, поскольку значительная часть прироста дохода приходится на ограниченное число лиц.

\* \* \*

Подводя итоги данной статьи, отметим, что социально-экономическая динамика РФ последних десятилетий характеризуется глубокими противоречиями, обусловленными спецификой ее производственных отношений и институтов.

Специфика российского рынка (доминирование крупнейших корпораций, прежде всего, сырьевых), государственного регулирования (рассогласованность институтов развития и монетарной политики, большая роль «ручного управления»), отношений собственности («вмененная» собственность, слабая спецификация прав собственности), слабое развитие отношений социальной защиты (в частности, отсутствие прогрессивного налога на доходы и наследство) и пр. не могут выступать источником устойчивого, социально-ориентированного, опирающегося на прогресс высоких технологий, развития.

Статистические данные при всей ограниченности возможностей количественной оценки качественных индикаторов показывают, что для России

---

<sup>24</sup> Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/186106> (Дата обращения: 26.06.2021).

<sup>25</sup> Там же.

последнего десятилетия характерны не только низкие темпы роста (не превышающие 2%), но и низкое качество последнего, особенно в социальной сфере. Отдельные исключения, которые не всегда можно оценить строго в силу отсутствия или закрытости данных (например, производство современных видов вооружений, относительные успехи в ряде отраслей энергетики, сельского хозяйства), мало сказываются на общих выводах нашего исследования.

Какими же могут быть альтернативы текущему вектору развития?

В настоящее время в России предложен широкий круг программ, в которых рассматриваются различные модели перехода к ускоренному росту и/или устойчивому развитию. При всем многообразии программ, в них представлены два главных подхода.

Первый исходит, главным образом, из необходимости осуществления институциональных изменений, направленных на углубление либерализации экономики, экстенсивную и интенсивную экспансию частной собственности, развитие конкуренции, создание независимой судебной системы и пр.<sup>26</sup>

Второй подход исходит из того, что нынешняя модель требует глубоких системных изменений, ориентированных на реализацию социальных, гуманистических и экологических приоритетов в ходе реиндустриализации на базе приоритетного развития высоких технологий<sup>27</sup>. Подход предполагает глубокое реформирование системы социально-экономических отношений, начиная с фундаментальных основ, затрагивающих отношения собственности на ресурсы (капитальные и естественные) и соответствующие потоки доходов. Такая трансформация позволит поставить под контроль общества (социализировать, а не просто национализировать) ключевые сферы развития – инфраструктуру, науку, образование, здравоохранение, а также перенаправить рентные потоки на цели устойчивого, социально-ориентированного развития. Последнее требует коренных изменений в системе распределения доходов и социальной защиты, в частности, повышения минимального уровня заработной платы, перехода к прогрессивной шкале налогообложения доходов и пр.

Важнейшим слагаемым этой системы должно стать создание целостной системы механизмов развития, в частности, в сфере планирования и промышленной политики<sup>28</sup>. Нетрудно догадаться, что авторы настоящей статьи считают второй путь более обоснованным и адекватным для реализации в России.

---

<sup>26</sup> Так, глава Счетной палаты Алексей Кудрин заявляет, что «современная модель экономики России себя изжила, необходимо перейти к прорыву в экспорте несырьевых товаров и наращиванию внутренних инвестиций. Для этого требуется сократить роль государства в экономике, обеспечить защиту прав собственности и построить эффективные правоохранительную и судебную систему». Источник: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/08/02/880509-kudrin-nazval-sovremennuyu-model-ekonomiki-rossii-izzhivshei-sebya>

<sup>27</sup> См., например, Глазьев, 2010; Бузгалин, Колганов, 2017.

<sup>28</sup> См. Аганбегян, 2021; Глазьев, 2010; Клейнер, 2021.

### Литература

1. *Аганбегян А.Г.* О необходимости планирования в новой России // Вопросы политической экономики. 2021. № 2. С. 27–45.
2. *Аганбегян А.Г.* О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1.
3. *Аганбегян А.Г.* Какой комплексный план до 2025 года нужен России? // Экономическая политика. 2017. Т. 11. № 3. С. 42.
4. *Аганбегян А.Г.* Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4.
5. *Аганбегян А.Г., Клепач А.Н., Порфирьев Б.Н., Узяков М.Н., Широв А.А.* Постпандемическое восстановление российской экономики и переход к устойчивому социально-экономическому развитию // Проблемы прогнозирования. 2020. № 6.
6. *Аузан А.* Развитие и “колея” зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 96–105. URL: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105>
7. *Белянин А.В.* Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. № 1.
8. *Бодрунов С.Д.* Современная стратегия развития требует поворота к планированию // Экономическое возрождение России. 2021. № 3(69).
9. *Буданов И.А.* Формирование инвестиционной модели экономического развития России // Проблемы прогнозирования, 2017, № 1.
10. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике // Вопросы политической экономики. 2016. № 1. С. 21–43.
11. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* «Экономика для человека» – 2017 (Цели и средства стратегии опережающего развития). Пленарный доклад на Московском экономическом форуме – 2017 // Место М: Культурная революция Москва. 2017. 29 с.
12. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. Том 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы // Библиотека журнала “Альтернативы”. 2019.
13. *Воейков М.И.* Государство как предмет политэкономического изучения // Вопросы политической экономики, 2018. № 1. С. 35–55.
14. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса // М.: Экономика. 2010. 255 с.
15. *Глазьев С.Ю.* Геноцид // М.: Изд – Терра. 1998. 320 с.
16. *Горюнов Е.Л., Дробышевский С.М., Мау В.А., Трунин П.В.* Что мы (не) знаем об эффективности инструментов ДКП в современном мире? // Вопросы экономики. 2021. № 2.
17. *Губанов С.С.* Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9.
18. *Губанов С.С.* От экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной экономической системе // Экономическое возрождение России. 2015. № 4.
19. *Дзарасов Р.С.* Механизм накопления капитала и инвестиционные стратегии российских корпораций : дис... д-ра экон.наук; ЦЭМИ РАН. (2010).
20. *Замараев Б., Киюцевская А., Назарова А., Суханов Е.* Замедление экономического роста в России // Вопросы экономики. 2013, № 8.

21. *Ивантер В.В., Говтвань О.Дж., Гусев М.С., Ксенофонов М.Ю., Кувалин Д.Б., Моисеев А.К., Порфирьев Б.Н., Семикашев В.В., Узяков М.Н., Широ А.А.* Система мер по восстановлению экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 1.
22. *Идрисов Г., Мау В., Божечкова А.* В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12.
23. *Клейнер Г.Б.* Системно-ориентированное планирование: Россия, XXI век // Вопросы политической экономики. 2021. №2. С. 45–57.
24. *Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. 2014. № 12.
25. *Кульков В.М.* Подступы к неомарксистскому синтезу в политической экономике // Российский экономический журнал. 2019. № 4. С. 118–126.
26. *Кульков В.М.* Экономика России как система // Экономическая наука современной России. № 4. 2018. С. 165–169.
27. *Котц Дэвид М., Вир Фред.* Путь России от Горбачева к Путину: Гибель советской системы и новая Россия / Пер. с англ. Под ред. И.Ю. Готлиба // М.: Едиториал УРСС. 2013. 448 с.
28. Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. Трудов // СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 2017. 606 с.
29. *Олейник А.Н.* Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма // Вопросы экономики. 2001. № 5. С. 4–25.
30. *Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. № 2.
31. *Пороховский А.А.* Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // Вопросы политической экономики. 2016. № 4. С. 8–22.
32. *Порфирьев Б.Н., Широ А.А., Узяков М.Н., Гусев М.С., Шокин И.Н.* Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3.
33. Постшоковый рост российской экономики. Опыт кризисов 1998 и 2008 годов и взгляд в будущее [Электронный ресурс]: препринт WP3/2020/06 / *И. Б. Воскобойников, Э.Ф. Баранов, К. В. Бобылёва, Р.И. Капелюшников, Д.И. Пионтковский, А.А. Роскин, А.Е. Толоконников*; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст. дан. (717 Кб). // М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2020. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 45 с. URL: [https://wp.hse.ru/data/2020/08/31/1577247983/WP3\\_2020\\_06\\_text.pdf](https://wp.hse.ru/data/2020/08/31/1577247983/WP3_2020_06_text.pdf)
34. *Рязанов В.Т.* Современная политическая экономия. Перспективы неомарксистского синтеза // М.: Литрес. 2019. 436 с.
35. *Сухарев О.* Экономический рост России: различия в подходах к выбору траектории развития (ответ «либералам») // Экономист. 2017. № 2.
36. *Теняков И.М.* Системно-историческая типология экономического роста // Журнал экономической теории. 2017 (а). № 4.
37. *Теняков И.М.* Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку // Экономическое возрождение России. 2017 (b). № 1. С. 119–131.
38. *Хубиев К.А.* Системный подход к потенциалу развития и фактор торможения российской экономики // Экономическое возрождение России. 2015. Том 43. № 1. С. 23–30.
39. *Цаголов Н.А.* Курс политической экономики / В 2-х томах // М: Экономика. 1973. 1430 с.
40. *Широ А.А.* От кризиса механизмов финансирования к устойчивому экономическому росту // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4.
41. *Ясин Е., Акиндинова Н., Якобсон Л., Яковлев А.* Состоится ли новая модель экономического роста в России? // Вопросы экономики. 2013. № 5.

42. *Ahrend Rudiger* (2005). Can Russia break the “resource curse”? *Eurasian Geography and Economics*. 46(8). P. 584–609.
43. *Bakatina D., Duvieusart J.-P., Klintsov V., Krogmann K., Remes J., Shvakman I., Solzhenitsyn Y.* (2009). Lean Russia: Sustaining Economic Growth through Improved Productivity / McKinsey Global Institute URL: <https://www.mckinsey.com/global-themes/employmentand-growth/lean-russia-sustaining-economic-growth>
44. *Beck R., Kamps A., Mileva E.* (2007). Long-term growth prospects for the Russian economy // ECB Occasional Paper No. 58 European Central Bank (ECB).
45. *David Paul A.* (1985). Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*. Vol. 75. No 2.
46. *David P.* (1994). Why are institutions the “carriers of history”? Path dependence and the evolution of conventions, organizations and institutions // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 5. No 2.
47. *Desai R.* (2013). *Geopolitical Economy – After Hegemony, Globalization and Empire* // London: Pluto Press.
48. *Holzmann R., Ritzberger-Grünwald D., Schuberth H.* (2020). 30 Years of Transition in Europe: Looking Back and Looking Beyond in CESEE Countries. Edward Elgar Publishing, 256 pages.
49. *Iwasaki I.* (2020) *The Economics of Transition: Developing and Reforming Emerging Economies*.
50. *Yang X., Lou F., Sun M., Wang R., Wang Y.* (2017). Study of the relationship between greenhouse gas emissions and the economic growth of Russia based on the Environmental Kuznets Curve // *Applied Energy*, Elsevier, vol. 193(C), pages 162–173. DOI: 10.1016/j.apenergy.2017.02.034
51. *Jeong, Minhyeon and Min, Jiyoung* (2019) 2000 년이후러시아경제성장요인분석과지속성장을위한과제(Russian Economic Growth after 2000: Assessment and Suggestions) // KIEP Research Paper. Policy References 19-03, Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3422677> or URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3422677>
52. *Myant M., Drahoukoupil J.* (2013): Transition Economies after the Crisis of 2008: Actors and Policies, *Europe-Asia Studies*, 65:3, 373–382 URL: <http://dx.doi.org/10.1080/0966-8136.2013.779459>
53. *Novokmet, Filip & Piketty, Thomas & Zucman, Gabriel* (2018). From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016. *The Journal of Economic Inequality*. 16. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s10888-018-9383-0>.
54. *Park J., Ryu D., Lee K.* (2019) What determines the economic size of a nation in the world: Determinants of a nation’s share in world GDP vs. per capita GDP // *Structural Change and Economic Dynamics*. Volume 51, December, Pages 203–214.
55. *Puffert D.J.* (2003). Path Dependence, Network Form and Technological Change // *History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change*. Ed. by W. Sundstrom, T. Guinnane, and W. Whatley. Stanford: Stanford University Press. (URL: [http://www.vwl.uni-muenchen.de/lis\\_komlos/nettech1.pdf](http://www.vwl.uni-muenchen.de/lis_komlos/nettech1.pdf)).
56. *Wallerstein I.* (1974–1989). *The Modern World-System*. Vol. I–III. Binghamton.
57. World Bank (2004). *From Transition to Development: A Country Economic Memorandum for the Russian Federation*. World Bank: Washington DC.

**Alexander Buzgalin** (e-mail: buzgalin@mail.ru)  
Grand Ph.D. in Economics, Professor,  
Chair of Political Economy, Faculty of Economics,  
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**Kaysyn Khubiev** (e-mail: khubiev48@mail.ru)  
Grand Ph.D. in Economics, Professor,  
Chair of Political Economy, Faculty of Economics,  
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**Ivan Tenyakov** (e-mail: itenyakov@mail.ru)  
Grand Ph.D. in Economics, Professor,  
Chair of Political Economy, Faculty of Economics,  
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**Alexey Zazdravnykh** (e-mail: apkreforma@mail.ru)  
Ph.D. in Economics, Assistant Professor,  
Chair of Political Economy, Faculty of Economics,  
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

## **GROWTH AND/OR DEVELOPMENT: SPECIFICITY OF THE RUSSIAN ECONOMIC MODEL**

The article provides a systematic description of the main features of the post-Soviet economy. The methodology and categorical apparatus of classical political economy, classical institutionalism, as well as of other directions of heterodox economic theory are the basis for identifying the content, the structure and the peculiarities of Russian economy. The authors demonstrate the influence of climatic, spatial, and historical characteristics of Russia on the formation of these characteristic features.

The main stages of the evolution of Russian economy are highlighted, as well as the particularities of their growth / decline as shown by macroeconomic quantitative indicators. Special attention is paid to qualitative indicators characterizing social results and contradictions in the development of the main sectors of the economy. On this basis, conclusions are formulated that reveal the reasons for the deep recession in the 1990s, extensive development in the 2000s and stagnation in the 2010s. The author comes to the conclusion that nonrandom the presence of two main concepts for the further development of Russia – a neoliberal concept and a concept focused on enhancing social regulation and social orientation of development (and not just economic growth) – is not accidental.

**Keywords:** Russian economy, growth, socially oriented development, political economy.

**DOI:** 10.31857/S020736760017820-1